

Научная статья

УДК 82-93; 087.5

DOI 10.17223/18137083/96/6

**Элементы обрядов перехода
в повестях А. Г. Алексина 1960–1970-х годов
(«А тем временем где-то», «Повесть Алика Деткина.
Очень страшная история», «Безумная Евдокия»)**

Юлия Олеговна Чернявская

Томский государственный педагогический университет
Томск, Россия

utcher@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0008-7062-6312>

Аннотация

Анализируются элементы обряда инициации в рассказах Анатолия Алексина 1960–1970-х гг., а именно отделение иницируемого от своих родственников; выход за рамки привычного пространственного локуса; спор / диалог с иницирующим – носителем комплекса этических представлений, не соответствующих взглядам героя. Процесс переосмысления системы ценностей сопровождается духовной трансформацией иницируемого, в результате чего он меняет жизненные ориентиры, отношение к окружающим его людям. В качестве иницирующего выступает женщина, связанная с приобщением к гуманистическим ценностям (учитель, врач). Если в «Повести Алика Деткина» и «А тем временем где-то» инициацию проходит подросток, то в «Безумной Евдокии» – представитель старшего поколения (отец). Доказывается, что элементы обрядов перехода используются для создания авантюрного сюжета, драматизации конфликта, объективации психологических процессов.

Ключевые слова

Анатолий Алексин, подростковая литература, повесть, инициация, архетипические образы, авантюрный сюжет, пространственные локусы

Для цитирования

Чернявская Ю. О. Элементы обрядов перехода в повестях А. Г. Алексина 1960–1970-х годов («А тем временем где-то», «Повесть Алика Деткина. Очень страшная история», «Безумная Евдокия») // Сибирский филологический журнал. 2026. № 3. С. 80–92. DOI 10.17223/18137083/96/6

© Чернявская Ю. О., 2026

ISSN 1813-7083

Сибирский филологический журнал. 2026. № 3. С. 80–92

Sibirskii Filologicheskii Zhurnal [Siberian Journal of Philology], 2026, no. 3, pp. 80–92

**Elements of rites of passage
in the novellas of A. G. Aleksin of the 1960s and 1970s
("And Meanwhile, Somewhere", "Alik Detkin's Story:
A Very Scary Story", "Crazy Evdokia")**

Yuiliya O. Tchernyavskaya

Tomsk State Pedagogical University
Tomsk, Russian Federation

utcher@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0008-7062-6312>

Abstract

This article analyzes the elements of the initiation rite in A. G. Aleksin's novellas of the 1960s and 1970s. Specifically, it examines the separation of the initiate from their relatives, the transcendence of the familiar spatial locus and the crossing of the boundary between the "own" and the "alien," as well as the dialogue or dispute with an antagonist—a bearer of an ethical framework contrary to the protagonist's views. The characters undergo physical trials (overcoming spatial barriers, escaping from a basement) and spiritual challenges, primarily the burden of making difficult decisions. The reevaluation of their value system is accompanied by a spiritual transformation, fundamentally altering their attitudes toward life and those around them. The initiator role is fulfilled by a woman whose profession centers on imparting humanistic values, such as a teacher or a physician. These rite-of-passage elements are used to construct an adventure plot, dramatize both external and internal conflicts, and activate archetypal images of world culture in the reader's mind. Within adolescent literature, Aleksin's work holds a distinct position due to its intense focus on the psychological processes within the protagonist's consciousness. The hero selects a life strategy driven by spiritual needs that demand sacrifice (such as severing ties with a father, abandoning unrealistic worldviews, or enduring a wife's illness). Finally, the image of the house (a dacha or an apartment) plays a pivotal role as the locus where the protagonist makes the fateful decision that determines their future and completes the initiation process.

Keywords

Anatoly Aleksin, young adult literature, novella, initiation, archetypal images, adventure plot, spatial loci

For citation

Tchernyavskaya Yu. O. Elementy obryadov perekhoda v povestiyakh A. G. Aleksina 1960–70-kh gg. ("A tem vremenem gde-to," "Povest' Alika Detkina. Ochen' strashnaya istoriya," "Bezumnaya Yevdokiya") [Elements of rites of passage in the novellas of A. G. Aleksin of the 1960s and 1970s ("And Meanwhile, Somewhere", "Alik Detkin's Story: A Very Scary Story", "Crazy Evdokia")]. *Sibirskii Filologicheskii Zhurnal [Siberian Journal of Philology]*. 2026, no. 3, pp. 80–92. (In Russian) DOI 10.17223/18137083/96/6

Появляющиеся в последние годы статьи, посвященные инициации, свидетельствуют об устойчивом интересе современных исследователей к этому феномену. Инициация является не только древнейшим способом регуляции межличностных, социальных и разного рода институциональных отношений, но отвечает глубинным психологическим потребностям гармонизации личности [Випулис, 2021, с. 3]. По мнению Н. В. Свитенко, «семиозис инициационного комплекса составляет "арматуру" сюжета практически каждого текста подростковой литературы» [2022, с. 226]. О прохождении героем подростковой литературы инициации как способе «утверждения своей независимости и цельности, обретения собственной идентичности» пишут О. В. Афанасьева и Н. С. Шалимова [2024, с. 455].

ISSN 1813-7083

Сибирский филологический журнал. 2026. № 3

Sibirskii Filologicheskii Zhurnal [Siberian Journal of Philology], 2026, no. 3

О. А. Нагель рассуждает о преодолении героями-подростками кризиса в осмыслении «“взрослых” тем и проблем»: «репрезентация... “лиминальных” ситуаций отражается на всех уровнях текста, включая сюжет, систему персонажей, язык и хронотоп» [2025, с. 347].

Переход от наивного, детского существования к зрелости в мировой культуре связан с обрядами перехода, определяющими не только физиологические, но и социальные функции индивида [Геннеп, 1999, с. 9, 69]. Инициация становится основным сюжетом подростковой литературы, о чем уже писали исследователи, в частности Н. В. Свитенко: «...процесс инициации, становления героя как личности, изображение его взросления – инвариантная сюжетная ситуация, определяющая специфику литературы для подростков» [2022, с. 226]. Сюжет инициации, его атрибутивные признаки (путешествие, преодоление препятствий, встреча с иницирующим, задающим «трудные задачи») закрепляются в сознании современного человека посредством волшебных сказок, знакомых каждому с детства. Волшебная сказка закрепляет эти модели в сознании ребенка на уровне архетипов, культурных кодов [Худзиньска-Паркосадзе, 2019, с. 99], которые использует подростковая литература.

Анализ творчества А. Г. Алексина в контексте детской литературы второй половины XX в. представлен в диссертационном исследовании Л. В. Долженко. Своеобразие творчества А. Г. Алексина, по мнению исследовательницы, заключается в том, что писатель представлял своего героя-подростка в качестве «равноправного субъекта общения», что, «в свою очередь, усиливало оппозиционность миров детства и взрослости». Герой А. Г. Алексина «не только равноправный участник диалога со взрослыми, в ряде ситуаций он превосходит взрослых по своим нравственным характеристикам и по зрелости принимаемых решений» [Долженко, 2001, с. 25].

Углубленному анализу болезненного процесса взросления посвящены анализируемые нами произведения писателя. А. Г. Алексин не просто констатирует факт взросления персонажа-подростка посредством внешней характеристики или совершаемых им действий, он погружается в глубину сознания своего героя, обнажает процесс формирования личностных качеств, способствующих обретению духовных ценностей. Именно по этой причине А. Г. Алексин представляет в своих рассказах две группы персонажей – подростков, в силу своих возрастных особенностей стоящих на границе между детством и зрелостью, и взрослых, т. е. уже сформировавшихся личностей.

В повести «А тем временем где-то» (1966) герой-повествователь, шестиклассник по имени Сергей, отправляется на поиски таинственной женщины, приславшей его отцу письмо с просьбой о помощи, содержащее намеки на существовавшие когда-то между ними близкие отношения. По мнению героя, это письмо несет собой угрозу разрушения его семьи, которая представляется ему, его соседям и учителям «образцовой» [Алексин, 1979, с. 68]¹ и «счастливой» (с. 69). Осознание семейного благополучия чрезвычайно важно для подростка: «Я чувствовал себя самым счастливым человеком на свете! <...> у меня лучшие в мире родители!» (с. 69). Письмо неизвестной женщины становится реальной угрозой привычному миру. Стремясь защитить семью, и в первую очередь маму, Сергей отправляется по указанному на конверте адресу с целью выяснить, кто эта таинственная незнакомка и о какой помощи она просит его отца.

¹ Далее ссылки на это издание даются в тексте в круглых скобках с указанием страниц.

Если локусы проживания героя-повествователя ограничивались школой и домом, то теперь он пересекает границу привычного мира, в поисках женщины, угрожающей его благополучию. Перемещение героя в пространстве неслучайно, если учесть замечание М. Элиаде о возможности перехода «в духе», осуществляемого в тексте посредством использования «фольклорных клише “опасного перехода” и “парадоксального переноса”, [которые] выражают необходимость изменения формы существования, чтобы иметь возможность войти в духовный мир» [Элиаде, 1999, с. 163].

Дом неизвестной женщины описывается героем-повествователем обстоятельно: называются его размеры, цвет, состояние – это «двухэтажный желтый домик» с лепными украшениями и выступающими на них «толстыми трещинами». Его вид навеивает подростку мысли о том, что «немало разных людей в нем родилось, жило и умерло». Маркеры смерти сопутствуют описанию дома, на стенах которого, по мнению героя, можно представить сверкающие «мрамором и золотом мемориальные доски: «Здесь жил.... Здесь бывал... Здесь родился... Здесь умер...» (с. 76). Таким образом, уже самим своим видом дом наводит на мысли о жизни и смерти. Этой же цели служат упоминания сакральных цветов (золотого и желтого), чисел (женщина живет в квартире номер 7, а звонить ей нужно 3 раза). Перед тем как войти, Сергей репетирует свою встречу с незнакомкой, подбирает слова, которые, как ему кажется, уберегут его семью от возможных неприятностей. Подобно сказочному персонажу, преодолевающему границу между мирами, мальчик ищет словесные формулы, долженствующие помочь ему в преодолении препятствия. В волшебных сказках герой сможет пройти в царство мертвых только посредством избушки Яги, которая впустит его при условии произнесения волшебных слов [Пропп, 2000, с. 42], иначе войти он не сможет.

Заранее представляя Нину Георгиевну как соперницу мамы, герой, «зарядившись решительностью и гневом» (с. 77), взбегает по лестнице вверх, но, услышав ее историю, меняет к ней отношение и мучительно пытается осмыслить предательство дорогого ему человека – отца. В третий свой визит он становится свидетелем бегства приемного сына Нины Георгиевны – Шурика. Фотографии отца и Шурика висят в ее комнате рядом, и герой-повествователь, помимо воли, отмечает сходство между ними. Речь идет не о портретном сходстве, а о внутреннем. Оба в разное время и по разным причинам оставили Нину Георгиевну в одиночестве, покинули, после того как перестали в ней нуждаться. И, несмотря на попытки оправдать отца, сходство между ним и Шуриком становится для героя все очевиднее. Так, переступив порог старого «домика», он навсегда утрачивает прежнее ощущение гармонии.

Герой-повествователь продолжает навещать Нину Георгиевну, пытаясь разрешить вопросы, слишком сложные для детского сознания. Все рефлекслируемые им переживания повествователь выражает формулой: «И только сейчас, когда прошли годы, я понял: от меня уходило детство» (с. 99). Втайне от всех подросток пытается помочь женщине, брошенной самыми близкими людьми. Сложность ситуации заключается в том, что он не хочет разрушать собственную семью, точнее, обидеть маму. В то же время он не может оставить Нину Георгиевну, компенсируя предательство тех, кто воспользовался ее любовью и заботой. Перемены в душе Сергея происходят постепенно. Вначале он пытается открыть Нине Георгиевне глаза на совершенное Шуриком предательство, однако эта попытка не имеет успеха, так как она по-прежнему любит приемного сына и винит в произошедшем себя. Сергей приходит к выводу, что истинная любовь не ищет при-

чины, что заставляет его полностью изменить свое отношение к близким людям, пройти путь духовного взросления.

В финале повести уже перешедший в выпускной класс герой совершает осознанный выбор, отделяясь от своей «образцовой» семьи. Вместо «здорового» отдыха на море он едет в город, где его ждут бабушка, друг детства и Нина Георгиевна. Выбор между «четким», т. е. логически правильным, прагматичным, рациональным, а в итоге эгоистичным отношением к людям и гуманистическими ценностями совершен, о чем свидетельствуют его слова: «А с отцом я сегодня поссорился. Первый раз в жизни» (с. 105). Уточнение «первый раз» предупреждает о возможности других ссор, которые, возможно, приведут к разрыву, т. е. свидетельствует о кризисе в отношениях с родителем. Символической деталью становятся ключи, оставленные Шуриком и спрятанные героем-повествователем от Нины Георгиевны, чтобы оставить ей надежду на возвращение сына. Сергей намеревается приехать к ней без предупреждения и открыть этими ключами ее дверь, чтобы сделать приятный сюрприз.

Встреча в «желтом домике» с пожилой, почти незрячей женщиной [Пропп, 2000, с. 53], «странным человеком», «не от мира сего» (с. 89), приводит к отказу от логико-прагматичного, комфортного отношения к жизни и заставляет героя совершить нерациональный, но соответствующий внутреннему убеждению поступок. Его действия (нелогичные, иррациональные) идут вразрез с «образцовой» моралью его отца и Шурика, по сути своей являющейся лишь оправданием крайнего эгоизма. В ходе своего взросления герой отказывается от «детских» вариантов решения сложных ситуаций, т. е. возможности манипулировать близкими людьми, понимая, что не может прибегать ко лжи и обману. Путь в «желтый домик» оказывается путем во взрослую жизнь, которая понимается как «потребность стать чьим-то защитником, избавителем», более того, следствием «первого зова мужской зрелости» (с. 104). Преодоление испытаний символизирует ключ от желтого домика, которым он может теперь воспользоваться.

Сюжет перехода в «Повести Алика Деткина. Очень страшная история» (1969) связан с поездкой подростков на старую дачу, где, согласно семейному преданию, малоизвестный писатель Глеб Бородаев написал детективную повесть «Тайна старой дачи». В честь памятного дня одноклассник Алика по прозвищу Принц Датский написал следующие стихи: «Этот день для нас так много значит, / Мы давно стремились к старой даче! / И хотя закрыли тучи небо, / Едем мы под руководством Глеба! / Сквозь дождя и ветра кутерьму / Он везет нас к деду своему!» (с. 133).

В сущности, текст буквально гласит о том, что под руководством внука и полного тезки своего дедушки – одноклассника Глеба Бородаева, ребята отправляются в гости к покойнику или духу предка. Дополнительным маркером инициального путешествия становится указание на время – двадцатые числа сентября, т. е. осенью, когда природа готовится к зимнему сну, ассоциирующемуся с умиранием природы. Этому же служит упоминание о болезни классной руководительницы, что стало причиной ее отсутствия во время поездки, в результате чего дети оказались одни. По дороге Алик Деткин вспоминает услышанную накануне радиопередачу о создании оперы «Князь Игорь» – после смерти композитора Бородина ее закончили его друзья (с. 135), и мечтает о том, чтобы завершить обрывающуюся на самом интересном месте повесть покойного Бородаева.

Как и полагается в обряде, подростки должны пройти определенные испытания: стихией природы, преодолением препятствий как физического, так и духов-

ного характера, решением «трудной задачи» (в этом случае – разгадка детективной повести Бородаева и вызволение ребят из подвала, в котором их запер племянник покойного писателя). Погода становится первым испытанием, которое преодолевают друзья: «Лил дождь, ветер хлестал в лицо, земля размокла и хлюпала под ногами» (с. 135). Второе – препятствия: «...дорога к даче была очень запутанной <...> мы двигались, словно по лабиринту, – то сворачивали в лес, то шли между дачными заборами, то петляли вокруг каких-то сараев, то опять углублялись в лес...» (с. 136). Третье – описание старой дачи напоминает дом в лесу: «Одной стороной она выходила прямо на дорогу, а другой – прямо в лес» (с. 137). Процесс освобождения из подвала также изобилует трудностями: «Сверху падали леденящие капли. Ноги то и дело проваливались в коварные углубления. Кромешная тьма окружала нас как заговорщица. Неверный свет тусклой лампочки остался в неясной, мрачной дали...» (с. 148). Дополнительной трудностью становится преодоление узкой щели, образованной заклинившей подвальной дверью.

Заточение в подвале и «битва» с племянником Григорием, двадцатипятилетним детиной с маленькой головой на огромном туловище, вызывающим ассоциации с рептилией-змеем², становятся своего рода катарсисом, знаменующим победу Алика над силами зла. Одновременно с физической Алик проходит и духовную инициацию – избавляется от своих мечтаний стать детективом, написать повесть: «Я хотел и г р а т ь (разрядка автора) во что-нибудь страшное, а тут самый настоящий кошмар обрушился на нас всех...» (с. 148). В отсутствие старших Алик взял на себя функции руководителя, смог противостоять страшному и сильному противнику, вывести одноклассников из подземного плена и разгадать «Тайну старой дачи».

Повесть «Безумная Евдокия», написанная в 1975 г., интересна прежде всего тем, что здесь иницилируемыми становятся взрослые – мать и отец Оленьки, а не герои-подростки. На наш взгляд, отец Оленьки, безымянный герой-повествователь, проходит духовную инициацию в течение одного дня, переосмысливая последние 17 лет своей жизни. В попытке найти причину произошедшей катастрофы, персонаж вспоминает их первую встречу с женой, положившую начало семейному союзу. Надя «напоминала ребенка» своей «детской непосредственностью» (с. 38), что осознает и сама героиня: на замечание будущего мужа о том, что в ней самой «столько детского», говорит, что со временем это «может стать неестественным и противным» (с. 39). Несмотря на порок сердца и предупреждения врачей, Надя и безымянный повествователь страстно мечтают о дочери (с. 39). Появившийся на свет ребенок становится для них смыслом существования. Их любовь заставляет видеть мир глазами Оленьки, даже в тех случаях, когда они расходятся с ней во взглядах на происходящее: «центром семьи и ее лицом стала дочь» (с. 45), – заявляет повествователь. Оленька вытесняет собственные интересы супругов – отец перестает писать рассказы, а Надя – петь. Мир делится на Оленьку и тех, кто ее окружает, иначе говоря, тех, кто мешает реализации ее таланта. Школьный мир классной руководительницы Евдокии стремится нейтрализовать Оленькины способности (по мнению самой Оленьки и ее отца), а значит, ограничивает ее. Ближайшие друзья становятся врагами («предателем», как Люся, «контролером», как Боря), стремясь угодить Евдокии и сделать Олень-

² «Дорога в иное царство лежит через пасть змея и через воду – как сквозь воду, так, позднее, и по воде» [Пропп, 2000, с. 226].

ку такой, как все, т. е. превратить гениального ребенка в посредственность, не добившуюся в жизни ничего значительного.

Позиция «безумной» Евдокии осознается сквозь призму Оленькиных интересов – не будем забывать, что эту кличку дала классной руководительнице именно она. Если Надя еще пытается, хотя и безрезультатно, корректировать поведение дочери (об этом свидетельствуют просьбы Нади «не рифмовать», т. е. не острить в адрес одноклассников и приглашаемых Евдокией гостей), то позиция рассказчика однолинейна – он всегда оказывается на стороне дочери и не пытается ее ограничивать. Мать оказывается прозорливее отца, видимо, в глубине души понимая, что Оленькины остроты («О ком я говорю, спроси. И я отвечу – о Люси» (с. 47); «Лет до ста расти нашей старосте. И все равно не вырасти...» (с. 49)), не столь безобидные, как это может показаться на первый взгляд, свидетельствуют о высокомерии Оленьки, ее пренебрежительном отношении к людям.

Все эти воспоминания возникают в сознании героя-повествователя уже после того, как произошло несчастье – Оленька пропала, а Евдокия и Боря с Люсей стоят на пороге квартиры, подобно гонцам, принесшим страшную весть. «Пороговая ситуация» представляет собой стоп-кадр, как будто воспоминания о событиях, предшествовавших роковому дню, пронесли в сознании повествователя в течение тех нескольких секунд, когда он увидел неожиданных гостей и попытался осмыслить сказанное ими. Ситуация дает возможность вспомнить цепь событий, приведших к трагедии, и логика рассказчика, всегда и во всем оправдывающего свою дочь, делает виноватыми ее одноклассников во главе с классной руководительницей.

Родители в ситуации катастрофы утратили возможность действовать. Как и иницируемый в процессе обряда, они совершенно пассивны: герой-рассказчик погружается в воспоминания и способен только фиксировать происходящее. Жена, услышав страшную весть, начинает бессмысленно двигаться «туда и обратно». Ее челночное движение свидетельствует о неспособности разрешить ситуацию. Это впечатление подтверждает рассказчик: «Мы с Надей потеряли способность действовать. Мы могли только ждать» (с. 55). Поведение жены соответствует состоянию иницируемого во время обряда – она лишается способности мыслить, видеть и слышать: «Надя же потеряла зрение и слух. Она могла лишь передвигаться по одной линии: туда и обратно, туда и обратно» (с. 55–56).

Действует в критической ситуации сама Евдокия – ее распоряжения кратки и деловиты, ученики выполняют ее указания в точности, что свидетельствует об авторитете руководительницы и уважении к ней. Все эти презируемые Оленькой «серые» люди оказались настоящей опорой в беде. Причем на помощь пришли не только молодые (одноклассники Оленьки), но и старшие товарищи – Митя Калягин, его дядя.

Если инициация становится обрядом перехода от детства к зрелости, а первой стадией – отделение неофита от матери [Элиаде, 1999, с. 76], то в данном случае родители должны были пережить отделение от собственного ребенка, ставшего смыслом их существования, и принять свою дочь как самостоятельное существо, не связанное с ними узами безусловной любви. В конце концов это и происходит с повествователем. Благодаря действиям и словам (подсказкам) Евдокии герой понимает, что превратно истолковывал поведение, образ мыслей своей дочери, и прошел трансформацию до конца. В свою очередь, Надя, оказавшись «по ту сторону», не сумела вернуться обратно, т. е. воскреснуть. Ее инициация оказалась незавершенной и, возможно, произойдет позднее, когда она сможет осознать про-

изошедшее. О незавершенности перехода свидетельствует тот факт, что Надя перестала узнавать свою дочь, адекватно реагировать на происходящее. Финал повести остается открытым и отправляет к началу, где герой рассуждает о возможности диалога со своей женой, которая, как он надеется, «когда-нибудь... вернется» (с. 37).

В первых двух повестях главными героями становятся мальчики, вступающие в пору зрелости. Исключительный случай «взрослой» инициации представлен в повести «Безумная Евдокия», в которой иницируемые оказываются родители, не сумевшие стать духовными наставниками для своего ребенка.

Образ женщины. Важную роль во всех произведениях играют женщины, берущие на себя функцию посвящающего. В повести «А тем временем где-то...» Нина Георгиевна, детский врач, наделяется качествами, которыми не обладают ближайшие родственники героя (мать и отец), является воплощением духовной силы (исцеляет тяжело больного отца героя, воспитывает чужого ребенка), всепрощением. Она поступает иррационально, существуя по законам трансцендентного. Не случайно герой-повествователь всякий раз акцентирует внимание на ее близорукости, глазах: «Я увидел ее глаза – прищуренные, близорукие, незащитные» (с. 94). С точки зрения В. М. Сорокина, «в подавляющем большинстве случаев образ человека, лишённого зрения, представлен как символическое воплощение незащитности, страдания, одиночества, несправедливости, нищеты» [Сорокин, 2011, с. 224]. Эта близорукость, несфокусированность зрения, противопоставляется «четкости» формулировок ее приемного сына, а позднее – отца Сергея. С другой стороны, незрячесть может являться маркером особого, духовного зрения, поскольку слепота в мифологии зачастую становится маркером «иного» видения: «...слепцу вменяется знать о том, о чем не знают зрячие. Более того, он знает правду о зрячих» [Богданов, 2001, с. 119]. В меньшей степени этими качествами обладает бабушка героя-повествователя, о чувстве единения с которой он говорит в начале повести.

В «Повести Алика Деткина» инициатором квеста становится учительница, предложившая совершить экскурсию на «старую» дачу. В дальнейшем ее функции (уязвимой, требующей защиты женщины) перенимает мать одноклассницы Наташи Кулагиной, о болезни которой постоянно напоминает повествователь. Для того чтобы защитить учительницу от нападков встревоженных родителей, а также во избежание волнений Наташиной матери, герой должен во что бы то ни стало вывести своих товарищей из подвала до отхода последней электрички, что придает особый драматизм повествованию. Герой спасает своих друзей, защищает молодую учительницу и заботится о больной женщине. Испытания на «старой» даче с ее сторожем-«змеем» становятся факторами, приведшими к постижению истины, формулируемой в финале: «Если слабый и глупый человек жесток – это противно. Но если умный и смелый жесток – это страшно. Такой человек обязан быть добрым» (с. 214). Эти слова произносит Наташа, замещающая отсутствующих учительницу и мать, одновременно требующая заботы и формулирующая главные нравственные ценности. Таким образом, и здесь женщины (классный руководитель, одноклассница) выполняют функции посвящающего, распределяя их между собой.

«Безумная» Евдокия обладает чертами, свидетельствующими о ее особом статусе. Она не имеет определенного возраста: «ей можно было бы дать и пятьдесят

семь лет, и тридцать девять»³ (с. 42); странно одевается: «поверх модных.... случайно купленных брюк она могла надеть широкую юбку, заправить в нее мужскую ковбойку, а в короткие, под мальчишку подстриженные волосы воткнуть костяной гребень “времен Очаковских и покоренья Крыма”» (с. 42). В этой характеристике смешиваются возрастные и гендерные характеристики, представляя Евдокию как существо вне мужских / женских, возрастных особенностей, неподдающееся однозначной классификации и привязке к конкретным определениям, таким как зрелое / юное, современное / устаревшее («модные брюки» и при этом гребень «времен Очаковских»). Она – «существо», ускользающее от однозначности. Не следует забывать, что речь идет о 1960–1970 гг., когда внешний вид граждан, тем более учителей, строго регламентировался. Увенчивает голову Евдокии шляпа⁴ с обвислыми полями, закрывающая ее лицо⁵; определение ее характера во многом заключено в прозвище «безумная» и упоминании о его «вулканическом происхождении» (с. 42). Если вспомнить, что безумие является знаком приобщения к миру духов, поскольку символизирует обрядовую смерть и «символическое погружение в докосмогонический хаос, в аморфное и не поддающееся описанию состояние, которое предшествовало всякой космогонии» [Элиаде, 1999, с. 231], то это прозвище представляется неслучайным.

По мнению Оленьки и ее отца, «классная руководительница... руководила умами и поступками учеников 9 “Б”» (с. 46). В критической ситуации именно она определяет действия повествователя и его жены, она становится причиной произошедшего: «Если бы мы не приехали утром, не подняли шума, ваша жена была бы здорова» (с. 62). Таким образом, событие, закончившееся сумасшествием Нади и приведшее к прозрению повествователя, было инициировано ею. Более того, прозвище «безумная» в новом контексте (повествователь принимает позицию Евдокии и отказывается от ложного представления о ней, навязанного дочерью) означает владение тайным знанием, открывающимся только посвященным и кажущимся неадекватными лишь с позиции обыденной логики. По мнению Е. А. Полевой, «казавшееся безумным поведение Евдокии обнаруживает свою обоснованность знанием жизни и следованием гуманистическим ценностям, а фанатичная, слепая любовь приводит к безумию» [Писаренко, Полева, 2016, с. 106].

Дом. Старый дом Нины Георгиевны является хранителем традиции, памяти, связи поколений (мемориальные доски, фотографии) и противопоставляется предприятиям (нежилые, производственные здания), которые проектируют родители героя. Старая дача в «Повести Алика Деткина» содержит множество знаков, отсылающих к проведению обряда, – это своего рода «дом в лесу» [Пропп, 2000, с. 41], куда ведет запутанная тропинка, с подземельем (подвал вызывает ассоциации с могилой, так как в его углу обнаруживается «скелет»), ставшим ловушкой, из которой необходимо выбраться. В «Безумной Евдокии» упоминаются лес и река, которые преодолевает Оленька – талантливая девочка, раньше всех догадавшаяся о том, какой дорогой шел Митя Калягин, чтобы обойти немецкие патрули и спасти раненых солдат. Если путь Оленьки осуществляется в географиче-

³ Возможно, здесь случайное совпадение цифр – сакральное «семь» и тридцать девять, напоминающее «тридевятое» царство волшебной сказки.

⁴ «Знак занимаемого положения, власти, могущества, мудрости» [Трессидер, 1999, с. 421].

⁵ «Шляпа... отражает значение того, что происходит внутри самой головы» [Керлот, 1999, с. 588].

ском пространстве, то путь прозрения проходит не покидавший квартиры герой-повествователь. Челночное движение «туда-обратно» его жены свидетельствует об утрате не столько пространственных, сколько духовных ориентиров.

Согласно энциклопедии «Мифы народов мира», обряды инициации имеют трехчастную структуру: «выделение индивида из общества (т. к. переход должен происходить за пределами устоявшегося мира), пограничного периода (длящегося от нескольких дней до нескольких лет) и возвращение, реинкорпорации в новом статусе или в новой подгруппе общества» [1987, с. 544]. Во всех анализируемых повестях герой выходит (в том числе и пространственно) за пределы привычной среды обитания и вступает в борьбу с иерофантом, воспринимаемым как олицетворение угрозы (разрушение семейной идиллии со стороны Нины Георгиевны, травля Оленьки Евдокией, заточение Алика и его друзей в подвале старой дачи). Исключением становится повесть «Безумная Евдокия», в которой иницируемый (безымянный повествователь) остается в пространстве своей квартиры, но в «чужом» и потенциально опасном пространстве (лес, река) оказывается его дочь. В этом тексте, как и в повести «А тем временем где-то», акцент переносится с двигательного-активного преодоления препятствий на внутренний, психологический процесс, происходящий в сознании героя.

Формально всё происходит в течение одного дня: начинается с появления Евдокии на пороге дома героя и заканчивается отправкой Нади в психиатрическую больницу. Однако в течение нескольких часов герой переживает кульминационные моменты своей жизни (вспоминает первую встречу с будущей женой, рождение дочери, ее конфликты с Евдокией и т. д.) вплоть до дня исчезновения Оленьки, т. е. переоценивая главные события, что приводит к полному переосмыслению своих личностных установок, отказу от «Оленькиного» взгляда на мир и принятию ценностных ориентиров Евдокии.

Сергей в повести «А тем временем где-то» проходит свой путь в течение трех лет – шестиклассником он впервые попадает к Нине Георгиевне, а описываемая в финале ссора с отцом и решение приехать в родной город происходят накануне поступления в выпускной класс. Как и повествователь в «Евдокии», Сергей останавливается в своем рассказе на самых существенных событиях, формирующих его личность, – заочная неприязнь к Нине Георгиевне, первая встреча с ней, заставившая усомниться в правоте своего отца, беседа с Шуриком (антагонистом), попытка найти компромисс между двумя противоположными системами ценностей (эгоистической и альтруистической) и, наконец, совершение осознанного выбора.

В течение одного дня процесс инициации проходит в «Повести Алика Деткина», в большей степени насыщенной атрибутами инициального комплекса. Но и здесь сталкиваются две системы ценностей. Одна из них представлена старым классным руководителем Святославом Николаевичем, приверженцем формально-декларативного способа преподавания. Другая – пришедшей ему на смену молодой учительницей, стремящейся привить ребятам активно-деятельное отношение к жизни. Вместо официальных формализованных мероприятий она предлагает неформальную экскурсию, тем самым пробуждая живой интерес к литературе. В процессе инициации Алик освобождается от стремления подражать «высоким образцам», т. е. стереотипизированным шаблонам, и становится активным участником реально происходящих событий.

Итак, в повестях А. Алексина элементы инициального комплекса используются со следующими целями:

1) усиление авантюрно-приключенческого элемента, заставляющего внимательно следить за описываемыми событиями;

2) драматизация конфликта как внешнего (отношения в семье и школе – с родителями, учителями, одноклассниками), так и внутреннего (душевная борьба, происходящая в сознании героя);

3) активизация в сознании читателя архетипических образов, связанных в мировой культуре с обрядами перехода.

Главные герои отделяются от ближайших родственников, перемещаются в пространстве, вступают в диалог / спор с посвящающим, испытывают мучения (в основном нравственного характера) и в итоге отказываются от прежних взглядов, обретая более зрелое, т. е. «взрослое», видение мира. Под «взрослым» понимается принятие ответственности за свою семью, защита слабых и незащищенных; оказание помощи нуждающимся и несправедливо обиженным; любовь к матери, семье, сохранение памяти о прошлом. В роли иницирующего выступают женщины – носители гуманистических ценностей.

Среди произведений подростковой литературы творчество А. Алексина занимает особое место благодаря акцентированию внимания на психологических процессах, происходящих в сознании героя, выбирающего свою жизненную стратегию не «по образцам», а следуя духовным потребностям, сопряженным с жертвенностью (ссора и, возможно, в будущем разрыв с отцом в «А тем временем где-то»; отказ от «романтических», т. е. нереалистических, представлений о мире в «Повести Алика Деткина»; сумасшествие жены в «Безумной Евдокии»). А. Г. Алексин использует элементы инициального комплекса для акцентирования внимания читателя на ключевых моментах «взросления» персонажа, однако основное внимание уделяет именно внутренним психологическим процессам, происходящим в сознании героя. Писатель напоминает о том, что взросление, являясь временным, возрастным механизмом формирования личности, в первую очередь связано с выбором гуманистических ценностей, отказом от эгоистического отношения к жизни и окружающим людям. В ходе взросления (прежде всего духовного), герой проходит сложный путь эволюции, расставаясь с привычными, постулируемыми самыми близкими и любимыми людьми (родителями, дочерью) ценностями, претерпевая болезненные метаморфозы преодоления ложной системы нравственных ориентиров.

Список литературы

- Алексин А. Г. Собр. соч.: В 3 т. М.: Дет. лит., 1979. Т. 1: Повести. 464 с.
- Афанасьева О. В., Шалимова Н. С. «Приключения Гекльберри Финна» М. Твена как роман инициации // Вестник Удмурт. ун-та. Серия: История и филология. 2024. Т. 34, вып. 2. С. 450–456.
- Богданов К. А. Повседневность и мифология: Исследования по семиотике фольклорной действительности. СПб.: Искусство-СПб, 2001. 438 с.
- Витулис И. В. Ритуальный комплекс архаической инициации в процессе культурогенеза: Автореф. дис. ... канд. культурологии. М., 2021. 20 с.
- Геннеп А. ван. Обряды перехода. Систематическое изучение обрядов: Пер. с фр. М.: Вост. лит., 1999. 198 с.
- Долженко Л. В. Рациональное и эмоциональное в русской литературе 50–80-х гг. XX в. (Н. Н. Носов, В. Ю. Драгунский, А. Г. Алексин, В. П. Крапивин): Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2001. 40 с.

- Керлот Х. Э. Словарь символов. М.: Рефл-бук, 1994. 608 с.
- Мифы народов мира: Энциклопедия: В 2 т. / Гл. ред. С. А. Токарев. М.: Сов. энциклопедия, 1987. Т. 1. 671 с.
- Нагель О. А. Лиминальный хронотоп и сюжет инициации в детективных повестях Астрид Линдгрен // *Время и пространство «между»*: Сб. науч. ст. / Под ред. Т. Е. Автухович. Гродно: ГрГУ им. Янки Купалы, 2025. С. 347–353.
- Писаренко А. Е., Полева Е. А. Приемы психологизма в повести А. Г. Алексина «Безумная Евдокия» // *Сибирская литература для детей и юношества: тенденции и контекст развития (1950–2010-е гг.)*: Коллективная монография / Под ред. Е. А. Полевой. Томск, 2016. С. 97–106.
- Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки. М.: Лабиринт, 2000. 336 с.
- Свищенко Н. В. Метасюжет инициации в современной отечественной прозе для подростков // *Изв. Волгоград. гос. пед. ун-та*. 2022. № 6 (169). С. 226–229.
- Сорокин В. М. К проблеме психологии образа незрячего в изобразительном искусстве // *Вестник СПбГУ. Серия 12*. 2011. Вып. 2. С. 223–226.
- Трессидер Дж. Словарь символов. М.: Фаир-пресс, 1999. 448 с.
- Худзиньска-Паркосадзе А. Парадигма инициации в сказке «Василиса Прекрасная» // *Вестник славянских культур*. 2019. Т. 51. С. 99–115.
- Элиаде М. Тайные общества. Обряды инициации и посвящения. СПб.: Университетская книга, 1999. 356 с.

References

- Afanasyeva O. V., Shalimova N. S. “Prikl'yucheniya Gekl'berri Finna” M. Tvena kak roman initsiatsii [M. Twain's “The adventures of Huckleberry Finn” as an initiation novel]. *Bulletin of Udmurt University. Series History and Philology*. 2024, vol. 34, iss. 2, pp. 450–456.
- Aleksin A. G. *Sobr. soch.: v 3 t.* [Collected works: in 3 vols.]. Moscow, Det. lit., 1979, vol. 1: Povesti [Stories], 464 p.
- Bogdanov K. A. Povsednevnost' i mifologiya: issledovaniya po semiotike fol'klornoy deystvitel'nosti [Everyday life and mythology: research in the semiotics of folklore reality]. St. Petersburg, Iskustvo-SPb, 2001, 438 p.
- Dolzhenko L. V. Ratsional'noye i emotsional'noye v russkoy literature 50–80-kh gg. XX v. (N. N. Nosov, V. Yu. Dragunskiy, A. G. Aleksin, V. P. Krapivin) [Rational and emotional in Russian literature of the 1950s–1980s (N. N. Nosov, V. Yu. Dragunskiy, A. G. Aleksin, V. P. Krapivin)]. Abstract of Dr. philol. sci. diss. Volgograd, 2001, 40 p.
- Eliade M. *Taynyye obshchestva. Obryady initsiatsii i posvyashcheniya* [Secret societies. Rites of initiation and dedication]. St. Petersburg, Universitetskaya kniga, 1999, 356 p.
- Gennep A. van. *Obryady perekhoda. Sistematicheskoye izucheniye obryadov* [Rites of passage. A systematic study of rites]. Translation from French. Moscow, Vost. lit., 1999, 198 p.
- Kerlot Kh. E. *Slovar' simvolov* [Dictionary of symbols]. Moscow, Refl-buk, 1994, 608 p.
- Khudzin'ska-Parkosadze A. Paradigma initsiatsii v skazke “Vasilisa Prekrasnaya” [The paradigm of initiation in the fairy tale “Vasilisa the Beautiful”]. *Bulletin of Slavic Cultures*. 2019, vol. 51, pp. 99–115.

Mify narodov mira: entsiklopediya: v 2 t. [Myths of the peoples of the world: encyclopedia: in 2 vols.]. S. A. Tokarev (Ed.). Moscow, Sov. entsiklopediya, 1987, vol. 1, 671 p.

Nagel' O. A. Liminal'nyy khronotop i syuzhet initsiatsii v detektivnykh povestiyakh Astrid Lindgren [Liminal chronotope and the initiation plot in Astrid Lindgren's detective stories]. In *Vremya i prostranstvo "mezhd": sb. nauch. st.* [Time and space "between": collection of scientific articles]. T. E. Avtukhovich (Ed.). Grodno, Yanka Kupala State University of Grodno Press, 2025, pp. 347–353.

Pisarenko A. E., Poleva E. A. Priyemy psikhologizma v povesti A. G. Aleksina "Bezumnaya Evdokiya" [Psychologism techniques in A. G. Aleksin's story "Mad Evdokia"]. In *Sibirskaya literatura dlya detey i yunoshestva: tendentsii i kontekst razvitiya (1950–2010-ye gg.): kollektivnaya monografiya* [Siberian literature for children and young adults: trends and context of development (1950s–2010s): collective monograph]. E. A. Poleva (Ed.). Tomsk, 2016, pp. 97–106.

Propp V. Ya. *Istoricheskiye korni volshebnoy skazki* [The historical roots of the fairy tale]. Moscow, Labirint, 2000, 336 p.

Sorokin V. M. K probleme psikhologii obraza nezryachego v izobrazitel'nom iskusstve [On the problem of psychology of the image of the blind in the fine arts]. *Vestnik of Saint Petersburg University. Series 12.* 2011, iss. 2, pp. 223–226.

Svitenko N. V. Metasyuzhet initsiatsii v sovremennoy otechestvennoy proze dlya podrostkov [The metaplot of initiation in contemporary Russian prose for teenagers]. *Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University.* 2022, no. 6 (169), pp. 226–229.

Tressider J. *Slovar' simvolov* [Dictionary of symbols]. Moscow, Fair-press, 1999, 448 p.

Vipulis I. V. Ritual'nyy kompleks arkhaischeskoy initsiatsii v protsesse kul'turogeneza [Ritual complex of archaic initiation in the process of cultural genesis]. Abstract of Cand. culturology diss. Moscow, 2021, 20 p.

Информация об авторе

Юлия Олеговна Чернявская, кандидат филологических наук, доцент кафедры русской литературы, Томский государственный педагогический университет (Томск, Россия)

Information about the author

Yuliya O. Tchernyavskaya, Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Russian Literature, Tomsk State Pedagogical University (Tomsk, Russian Federation)

*Статья поступила в редакцию 12.10.2025;
одобрена после рецензирования 08.04.2026; принята к публикации 08.04.2026
The article was submitted on 12.10.2025;
approved after reviewing on 08.04.2026; accepted for publication on 08.04.2026*